

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ХАМЕЛЕОНУ

В Европе обнаружены следы Мартина Бормана. Согласно источнику, это может вывести на секретные счета НСДАП, через которые финансировали операцию «Крысиная тропа». В ходе этой операции тысячи сотрудников СС, СА и членов НСДАП были через Ватикан переправлены в Латинскую Америку. По информации, в деле замешаны спецслужбы Великобритании и США. Необходимо выяснить, кто и в каком объеме участвовал в этих схемах. Будьте предельно осторожны — задание государственного значения.

ТРИФОНКОВ

ВАТИКАН. КАБИНЕТ КАРДИНАЛА ЛЕФТЕРА

— Опять отстают, — его преосвященство кардинал Лефтер укоризненно качает головой и передвигает стрелки ровно на двенадцать. Часы отвечают глухим мелодичным боем, вторя колоколам на соборе Святого Петра, который виден за окном. — Мы с вами остановились на том, что Гитлер и Черчилль пытались договориться и с этой целью в Великобританию полетел Рудольф Гесс. — Кардинал подходит к большому секретеру из красного дерева и зажигает стоящую там свечу.

Кабинет кардинала Лефтера — просторная комната со сводчатым потолком и высокими окнами, из которых открываются величественные виды Ватикана.

Торжественность места подчеркивают антикварные книжные шкафы, заполненные причудливо переплетенными фолиантами. Между шкафами висят старинные картины, изображающие сцены из жизни святых. Центр комнаты занимает массивный стол, на котором стоит стеклянная колбочка с чернилами и лежат дорогие перьевые ручки, на зеленом сукне аккуратно разложены документы.

Тишину нарушают лишь мерное тиканье настенных часов и легкое потрескивание дров — в дальнем конце комнаты горит камин. Рядом с камином — удобное кресло, где Лефтер часто проводит время за чтением манускриптов.

Несмотря на свои годы, кардинал держится с достоинством и уверенностью человека, привыкшего контролировать ситуацию и владеть собой, — это у него с молодости: когда-то Лефтер слыл искусным фехтовальщиком. Он облачен в кардинальскую сутану богатого винного цвета с алым поясом. Иногда поверх сутаны накидывает бархатный плащ.

На левой руке Лефтер носит изящное серебряное кольцо с гравировкой в виде двух перекрещенных шпаг — подарок старинного друга. Это кольцо напоминает Лефтеру о временах его молодости и о тех, кто знал его как непревзойденного наездника и блестящего дуэлянта. О сегодняшнем его положении напоминает другое украшение: на указательном пальце правой руки кардинала красуется перстень с крупным бордовым камнем.

У Лефтера есть тайная страсть, о которой, впрочем, известно почти всем в Ватикане: он курит трубку. У него их целая коллекция, и каждый раз, когда нужно обдумать какой-то важный вопрос, кардинал идет выбирать трубку. Не спеша набивая ее табаком, Лефтер

размышляет и подбирает нужные слова, которые всегда полны скрытого смысла.

В этот раз он взял небольшую трубку с коротким, причудливо изогнутым мундштуком, но не стал ее раскуривать:

— Вы знаете, дорогой друг, что таинственный перстень Фатимы имеет прямое отношение к вашей истории с Гессом, а главное — к истории с «Крысиной тропой» Третьего рейха.

Собеседник Лефтера ерзает в кресле, усаживаясь поудобнее.

— Эминенц, самые разные, даже совершенно неправдоподобные на первый взгляд истории переплетаются друг с другом, как тонкие нити, создавая полотно с причудливым рисунком. И моя задача — понять, что он означает. Поэтому я у вас — чтобы приподнять завесу тайны и раскрыть секреты прошлого. Мы знаем друг друга, дай бог памяти, больше двадцати лет и можем позволить себе говорить открыто и прямо.

Напротив кардинала сидит Игорь Кортун, в прошлом контрразведчик, сейчас пенсионер и «охотник» за тайнами Третьего рейха. О некоторых он потом рассказывает в своих книгах. Кортун все еще сохраняет военную выправку, говорит уверенно, четко произнося каждое слово с легким, почти незаметным акцентом.

Лефтер усмехается, разжигает, наконец, трубку и выпускает несколько колец дыма:

— Наши пути пересекаются каждый раз, когда возникает новая запутанная история. Но скажите, правда ли, что вы почти разгадали загадку Бормана? Точнее, загадку его исчезновения. И счетов НСДАП. Вы ведь приехали, чтобы дополнить ваши записки историей таинственного перстня Фатимы?

— Тут больше вопросов, чем ответов. Вся история крутится вокруг партайгеноссе Бормана, который исчез в последние дни войны. А потом неожиданно объявился вместе с неким перстнем, который принадлежал Третьему рейху. В истории операции, которую вы назвали «Хамелеон», фигурирует и золото НСДАП. Следы Бормана — это настоящий лабиринт, который мы вынуждены были распутывать.

Лефтер внимательно слушает собеседника и кивает:

— Иногда в поисках истины мы находим ответы там, где не ожидали их найти. Но они могут изменить наше понимание самих себя.

Он вынимает трубку изо рта, слегка подается вперед и пристально смотрит на Кортуну через стекла пенсне:

— Вот, например... — Лефтер делает паузу и выпускает еще несколько колец дыма. — Перстень Фатимы — артефакт, окутанный множеством легенд, одна из которых гласит, что он был создан, чтобы отпереть ворота в забытую эпоху. Именно поэтому он хранится в надежных руках. В операции «Крысиная тропа» перстень сыграл свою роль.

— И что же в нем такого тайного? Как связаны искусные ювелиры и тайные тропы, в которых запуталось не одно поколение?

Лефтер едва заметно улыбается, задумчиво глядя вдаль:

— Перстень Фатимы прошел через многие руки, каждый его владелец добавил свою главу в эту удивительную историю. Иногда мне кажется, что прошлое нас ищет не меньше, чем мы ищем его.

Кортун внимательно вслушивается в каждое слово кардинала: Лефтер в совершенстве владел искусством спрятать во фразе подсказку, которая скрывается зачастую в самых простых словах.

— Ваше преосвященство, вы меня заинтриговали. Наши жизни прошли в поисках. Я — в многочисленных разведоперациях, вы — тут в Ватикане. Конечно, я знаю, что перстень Фатимы в истории Бормана играл трагическую роль. Именно поэтому я приехал к вам, чтобы вы меня, простого грешника, просветили.

Лефтер смеется:

— Кто из нас больше грешник, знает только Господь. Конечно, есть то, что невозможно обойти. Вот вы меня спрашиваете про перстень Фатимы. Я, со своей стороны, хочу понять, какую роль играл в этой истории Хамелеон. Не тот, который живет в ожидании очередного насекомого на обед. Я имею в виду таинственного агента Хамелеона, который имеет прямое отношение к перстню Фатимы. Если вы готовы поделиться со мной тем, что вам удалось выяснить... Тогда от меня — перстень Фатимы, от вас — Хамелеон.

Кортун усмехается:

— Нас учили больше молчать, чем говорить. Но сегодня я тут не только для того, чтобы слушать. Хамелеон — это гений мистификации. Разведчик, ученый, модель, юрист, легкомысленная дама, остроумный кавалер — это все Хамелеон. Он наносил удары — и бесследно исчезал.

В комнате воцаряется тишина, собеседники молча смотрят друг на друга и улыбаются, понимая больше, чем было сказано. Мягкий отсвет пламени отражается в пенсне кардинала.

— Я надеюсь, мой добрый друг, что мы будем сегодня откровенны, — кардинал снимает пенсне и близоруко щурится, глядя на Кортуну.

Кортун громко смеется:

— Если бы я не знал вас столько лет, ваше преосвященство, я бы действительно поверил в вашу

кроткость, наивность и простоту. Но наша многолетняя дружба позволяет мне сделать вывод, что вам известны какие-то интересные подробности и вы согласны на откровенный разговор. Да, ваше преосвященство, операция по поиску Бормана началась с перстня Фатимы и привела Хамелеона в Ватикан. Тут сплелись интересы Третьего рейха, Бормана, нечестных служителей Бога, преступников и святых.

— И перстня Фатимы, мой друг, — Лефтер снова кивает. — Не могу не согласиться с вами...

Он выпускает клуб дыма, который легким облачком скрывает его лицо от собеседника.

БУНКЕР БОРМАНА

В бункере очень темно: грязные плафоны практически не пропускают свет, а маленькие лампочки аварийного света кажутся глазницами какого-то животного, которое дышит легким мерцанием в такт орудийным взрывам, приглушенные звуки которых доносятся с улиц.

Это один из многих рабочих бункеров Бормана. К концу войны он тайком от фюрера и Гиммлера оборудовал себе тайные убежища в разных местах Берлина. Самый большой бункер находится в Карлсхорсте — там традиционно строили виллы высшие чины рейха. Даже сам рейхсфюрер Гиммлер не удержался от соблазна стать частью этого элитного сообщества и возвел в дальнем уголке Карлсхорста трехэтажный дом, который был полностью обустроен под маленькую Гудрун — любимую дочь рейхсфюрера.

Борман тоже имеет тут небольшую виллу, которая снаружи выглядит очень просто, но внутри укре-

плена, как дот на линии фронта. Борман не любит район Карлсхорст. Он считает, что фешенебельный Карлсхорст превратился в салон для генералов и их денщиков.

— Тут любой денщик задирает нос, как штандартен-фюрер СС, — говорит он презрительно.

Его вилла — дань принадлежности к высшим кругам, не более того. Потому бывал он тут редко, и то только в самом начале войны.

Борман носит звание обергруппенфюрера СС, генерал-полковника, но предпочитает, чтобы его называли рейхсляйтер, потому что к армейским генералам относится как к простым конторским служащим.

Любимый бункер Бормана, в котором он прячется последние месяцы войны, находится в другом месте: буквально в нескольких сотнях метров от «министерского дворика», который тянется от здания рейхстага почти до Фоссштрассе, где располагается рейхсканцелярия. Бункер Бормана смотрит одной стороной на Тиргартен, куда можно незаметно выйти через несколько строений, соединенных между собой внутренними переходами.

Толстые бетонные стены и не менее толстые стальные двери, герметично закрывающие помещения, защитят даже от возможной химической атаки. На первом этаже Борман любовно обустроил свой военный кабинет.

Он называет его «Толстый Гюнтер». Откуда взялось это название — неизвестно, но Борману явно доставляет удовольствие кричать своему адъютанту: «Вызови толстяка Гюнтера», что означает «Я иду работать. Сигары, коньяк — в зал, камин растопить, системы оповещения включить, линию связи оставить только для переговоров с Гитлером».

Охрана занимает плановые точки, адъютант закрывает партайгеноссе снаружи. И ни один звонок, ни один посетитель, ни один проситель, даже в звании обергруппенфюрера, не может потревожить Бормана, пока он занят работой.

Никто в рейхе не знает о «толстом Гюнтере», даже фюрер думает, что Борман сидит где-то в дальней комнате рейхсканцелярии.

В курсе только Гиммлер. Впрочем, он в курсе всего, что происходит в рейхе. Он, правда, может прослушивать своего партайгеноссе, но это было бы уже лишним. Адъютант Бормана регулярно доносит Гиммлеру, с кем и когда встречается его шеф. А Гиммлер не сомневается в преданности адъютанта, который очень не хочет, чтобы Борману стало известно, что его прабабушку звали Рахиль.

Сегодня у Бормана особенно плохое настроение. Берлин лежит в руинах, население прячется в подвалах, генералы бегут на Запад. Партия, которой так гордился фюрер и которой он, Борман, бесконечно предан, уничтожена.

Рейхсляйтер уже несколько дней не может переговорить с фюрером — связь не работает. А в те короткие секунды, когда все-таки удастся ее наладить, адъютанты вежливо просят перезвонить через минуту — фюрер занят. Но через минуту связь опять прерывается, и все начинается сначала. Вероятно, фюрер уже не в состоянии отвечать своим генералам.

«Если он вообще жив», — думает Борман.

Он ловит себя на том, что мысль о смерти фюрера не вызывает у него никаких эмоций — ни сожаления, ни ужаса. Он давно перестал мерить свою жизнь по фюреру. Борману кажется, что он перерос вождя в своем понимании будущего для немцев. Речи Гитлера